

ОЛЕГ СОЧАЛИН

ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ

РАССКАЗЫ

1

Денис сидел за кухонным столом и аккуратно, стараясь не задевать ложкой стенки стакана, размешивал в чае сахар. Лена, его подруга, в квартире которой он находился со вчерашнего вечера, ещё спала.

Денис дружил с Леной уже восемь лет, с первого курса института, но в гостях у неё оказался впервые. Больше всего он поразился тому, что не увидел в этой квартире ни одной Лениной фотографии, а зеркало было только одно — в ванной. “Неужели она действительно так переживает по поводу своей внешности? Конечно, её нельзя назвать красавицей — худая, нескладная, грудь маленькая, нос и уши, наоборот большие... Но доводить себя до такого состояния и замыкаться в себе тоже неправильно”, — думал Денис, продолжая помешивать чай, хотя сахар давно растворился.

Он отвлёкся от своих мыслей, только услышав, как Лена выскочила из комнаты и побежала по коридору в туалет, где её, судя по всему, стошнило. “С добрым утром! Как прекрасно начинается суббота”.

Спустя несколько минут Лена вошла на кухню. С похмелья её лицо заметно опухло, а под глазами сильнее обычного вырисовывались тёмные круги. Сеутулившись, потирая руками плечи, дрожа всем телом, Лена вопросительно смотрела на Дениса.

— Привет!

— Ты как здесь оказался?

СОЧАЛИН Олег Игоревич родился в 1986 году в Московской области. Окончил Российскую экономическую академию имени Г.В. Плеханова и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Играл в футбольной команде «Красная Пресня». Живет в посёлке Кубинка Московской области.

— Ты что, ничего не помнишь? — усмехнулся Денис. — Да ты присаживайся. Хочешь чаю? Вот, возьми. Сладкий.

— Спасибо, — после нескольких глотков чая Ленино лицо немного прояснилось. — И всё-таки, как ты тут оказался?

— Ты вчера позвонила, попросила забрать тебя с корпоратива. Я, конечно, понял по голосу, что ты изрядно выпила, но чтобы так... Никогда тебя такой не видел, — Денис замолчал, не зная, стоит ли рассказывать подробности вчерашнего вечера.

— Не надо об этом! Пожалуйста...

— Прости. А ты совсем ничего не помнишь?

— И не хочу... А ты... У нас с тобой... В смысле, ты чего на всю ночь-то осталась?

— А как бы я дверь закрыл? Вторых ключей я не нашёл. Да и потом... Ты правда ничего не помнишь?

— Да что ты заладил?! Помнишь, не помнишь! Хочешь мне что-то рассказать — говори! — раздражённо выпалила Лена и сделала большой глоток чая.

— Просто ты странная была. Я испугался за тебя, правда. Ты постоянно твердила, что тебе надоела твоя жизнь, что всё это скоро закончится, что скоро всё будет по-другому. СМСки какие-то показывала. Сказала, что ты никогда их не отправившь.

— Ты их читал? СМСки читал? — Лена сама не заметила, как перешла на крик.

— Нет. Ну, то есть... Ты же сама мне их отправила. Сначала и показывать не хотела. А потом ни с того ни с сего засмеялась и сказала, что хочешь их отправить хоть какому-нибудь мужчине, — взглянув на Лену, Денис поспешил добавить: — Но я их удалил! Правда!

— А я сказала, для кого они? Только честно.

— Лен, ты спьяну мне много чего рассказала. Сказала, что любишь нашего коммерческого директора, но он на тебя не обращает никакого внимания. Что пишешь ему СМСки, но не отправляешь их — боишься, что тебя поднимут на смех.

— Хватит! Я больше ничего не хочу слышать. И вообще, извини, конечно, но мне кажется, тебе пора идти. Спасибо за всё. Не обижайся, Дэнчик, но я хочу побыть одна.

— Я никуда не пойду!

Лена удивлённо взглянула на Дениса — она не ожидала от него подобной решительности.

— Лен, я переживаю за тебя. Никогда себе не прощу, если сейчас уйду, а ты...

— Ты думаешь, я хочу покончить с собой?! — Лена залилась истерическим хохотом, отчего у Дениса по спине побежали мурашки. Потом, внезапно став серьёзной, она затараторила: — То есть ты считаешь, что для такой уродины, как я, единственный выход — покончить с собой? Только не оправдывайся! Да все вы так считаете!

— Лен, я...

— Что я? Скажи честно, я тебе нравлюсь? Нравлюсь как женщина? Ты меня хочешь? Хочешь? — Лена вскочила со стула, но у неё закружилась голова, и девушка неуклюже села обратно.

— Ну зачем ты? Мы же друзья, — смутился Денис.

— Друзья? Да, мы друзья! Но вся наша дружба держится на том, что ты меня не хочешь, что я страшенькая, но со мной “прикольнo”! И ты не захочешь меня, даже если выльешь ведро текилы! А я женщина! Я хочу нравиться! Мне надоело быть уродиной из бухгалтерии, имя которой никто не знает. Я жить хочу! Любить хочу! Да, я люблю Влада, нашего коммерческого директора. Да, я пишу ему СМС и не отправляю. Я знаю, что нельзя постоянно сдерживать свои чувства, но что мне ещё делать, если я некрасивая?! — Лена готова была разрыдаться.

— Но самоубийство — не выход!

— Выход! Это тоже выход, но не для меня, — с этими словами Лена выбежала из кухни.

— Куда ты? — Денис бросился за ней.

Он нашёл Лену в комнате, девушка сидела на незаправленной кровати и рылась в своей сумочке. Наконец, она достала какие-то бумажки и протянула их Денису.

— Вот!

— Что это? — в недоумении спросил Денис.

— Это квитанции об оплате моих пластических операций.

— Коррекция носа, ушей, увеличение груди... Зачем тебе... — начал было Денис, но решил не договаривать.

— Я целый год копила на это деньги. Я насобирала довольно внушительную сумму и уволилась с работы. Вчерашний корпоратив стал для меня прощальной вечеринкой. Я больше туда не вернусь. Когда всё закончится, я найду новую работу. Новую работу с новой внешностью. Я пойду туда, где никто не знает меня, не знает, какой я была.

Лена резко встала, оттолкнула Дениса, стоявшего в дверях, и, пошатываясь, направилась в туалет. Её снова тошнило.

Денис посмотрел ей вслед, положил квитанции на прикроватную тумбочку и молча вышел из квартиры. Спускаясь в лифте, он думал о том, что пластические операции вряд ли помогут Лене жить так, как она хочет. Но спорить с ней, разрушать её надежды, посягать на её мечту тоже было бы неправильно: “Жаль, что ещё не придумали какую-нибудь пластическую операцию для души”.

На улице шёл дождь вперемешку со снегом. Выйдя из подъезда, Денис поднял воротник пальто. Весна пока вела себя робко, нерешительно, и было прохладно. Снег ещё не сошёл, но уже начал подтаивать.

Денис сел в машину и включил двигатель. В кармане его брюк завибрировал мобильный телефон. СМС от Лены: “Прости меня! И спасибо за всё! Самое страшное для меня сейчас — я не знаю, как рассказать обо всём маме. Она не поймёт. А откладывать больше нельзя, в понедельник ложусь в больницу...”

“Не переживай! Всё будет хорошо! Мама поймёт. Обязательно поймёт. Звони, если что”. А что ещё он мог написать?

Денис не выдержал и открыл вчерашние Леныны СМСки, которые предназначались её возлюбленному.

“Хочу чтоб ты был моей семьёй, хочу заботиться о тебе, хочу, чтоб ты чувствовал себя самым любимым в мире, чтоб это чувство делало тебя царём и счастливым, конечно! Хочу сидеть вечером на кухне, смотреть, как ты ешь, а в перерыве ты рассказывал бы о пройденном дне”.

“Если день вдруг окажется тяжёлым, я обниму тебя крепко, ты закроешь глазки, и впитаешь мою энергию”.

“А ночью? А ночью ничего и никого!.. только два человека во всём мире... только утром окажется, что есть ещё кто-то и что-то, есть мир... и он прекрасен! Потому что мы вместе, мы одно, очень крепкое, нерушимое, единое”.

Денис и на этот раз не стал удалять эти маленькие сообщения. “Пусть будут”. Он боялся признаться себе в том, что очень хотел бы получить такие СМС, но только не от Лены. Находиться в тишине стало неприятно, и Денис включил радио.

“В ближайшие выходные в Москве ожидается ледяной дождь. Эта природная аномалия встречается довольно редко, хотя жители столицы должны помнить ледяной дождь 2010 года, результатом которого стал коллапс в аэропортах и многочисленные аварии на дорогах. Но, как известно, нет худа без добра. Хочется отметить, что пейзаж после ледяного дождя выглядит сказочно красивым. Что ж, красота требует жертв”.

Денис надавил на газ, и машина тронулась.

Лена стояла возле пятиэтажного панельного дома, в котором провела детство и где до сих пор живёт её мать, но не решалась войти в подъезд. Она не знала, как рассказать матери о предстоящих пластических операциях. Просто не находила слов, к тому же была уверена, что мать не одобрит её решения. Анна Александровна, наверное, была единственным человеком, который искренне считал Лену красивой.

Девушка вздохнула, сняла перчатки, положила их на мокрую скамейку, а потом села на них. Спрятав руки в рукава, Лена принялась рассматривать двор. Всё было по-прежнему. Обычный двор небольшого подмосковного городка. Те же скамейки, те же деревья, та же детская площадка со скрипящими качелями, даже лужи на дороге образовались всё в тех же, что и пять, и десять лет назад ямах, вот только припаркованных во дворе машин стало гораздо больше. И её любимый клён всё тот же — величественно раскинул свои могучие ветви и ждёт, когда же их вновь украсит листва.

— Ленка, ты бы не сидела на холодном! Простудись ведь!

Лена вздрогнула. Она совсем не заметила, как из подъезда вышел сосед с третьего этажа.

— Ой, здрастье, дядя Саш. Я вас и не заметила.

— О чём задумалась-то? — закуривая, спросил Александр Степанович.

— Да так... — Лена совсем не хотела ни с кем разговаривать.

— Клён свой любимый разглядываешь? А помнишь, как ты маленькая на него забралась, а назад слезть боялась?

— Не помню...

— Ну, как же? Мы с твоей матерью ещё тебя снимали, — Александр Степанович рассмеялся, но вдруг закашлялся так, что Лена даже за него испугалась.

— Дядя Саш, вы бы поменьше курили.

— Да я и не курю почти. Так, пока моя не видит, подымлю чуть-чуть и всё.

— Болееете?

— А что ещё на пенсии делать? — усмехнулся Александр Степанович. — Да что там я. Клён-то наш и тот болеет.

— Как? А с виду не скажешь. Всё такой же могучий стоит, — удивилась Лена.

— Стоит-то стоит, только весной, может, и не распустится уже, вот увидишь. Болезнь внутри у него. Гриб у него в сосудах развивается и не даёт туда воде и веществам питательным поступать. Да хана дереву, чего говорить. Я недавно веточку у него спилил, а она внутри не светлая, желтоватая, как обычно, а зеленовато-чёрная. Скоро корни отмирать начнут и хана...

— Значит, он уже никогда не будет таким красивым, как раньше? — как-то наивно, по-детски спросила Лена.

— Все вы бабы об одном... — сказал Александр Степанович, сплюнул и затупил сигарету.

В квартире матери было полным-полно Лениных фотографий, именно поэтому девушка не любила здесь бывать. Она не любила смотреть на себя со стороны. Особенно Лена не любила фотографии, на которых они вместе с матерью. Мать и дочь были удивительно похожи, и это сходство Лена не могла простить матери, это сходство сводило её с ума, но ещё больше её сводила с ума неспособность это сходство простить.

Лена часто вспоминала тот момент, когда впервые это осознала. Это случилось несколько лет назад в Египте, где Лена отдыхала одна. Она старалась быть незаметной и в основном сидела в теничке под навесом и читала книгу, для надёжности спрятавшись от окружающих за стёклами больших солнцезащитных очков и надев широкополую шляпу. Но в тот день, отвлекшись от чтения, Лена увидела у бассейна некрасивую девушку, идущую рядом

с мамой. Пройдя несколько шагов, мама заботливо надела дочке на голову кепку. Но девушка с такой злостью сорвала с головы эту кепку, что невольно привлекла внимание окружающих, а потом от стыда она опустила голову. Ей не хотелось, чтобы кто-то догадался, что она отвергает всякую заботу матери лишь потому, что стыдится своего сходства с ней, что хочет быть от матери как можно дальше и лишней раз не вспоминать, на кого похожа. А её мама... Её мама ничего не понимала, она была счастлива находиться вместе с дочерью в замечательном отеле у моря.

Но зато Лена поняла девушку, потому что как будто увидела себя со стороны. А ещё подумала: “Как можно быть счастливой, если ты надела свою дочь своей ужасной внешностью и обрекла тем самым на постоянные страдания?”

— Лена! Пойдём чай пить. Всё готово! — послышалось с кухни.

Лена вздрогнула: “Нужно сейчас же ей сказать. Без подготовки выпалить сразу, и будь что будет. Чтобы избавиться, наконец, от этого чувства. Но что это за чувство? Страх? Нет. Тревога? Нет. Какое-то другое неприятное, тёмное чувство внутри. Описать его невозможно, но, может, всё-таки получится просто от него избавиться?”

Едва зайдя на кухню, Лена выпалила:

— Мама, завтра я ложусь в больницу!

— Господи! Что с тобой? Что-то серьёзное? Язва, да? Я же говорила, что нужно питаться как следует...

— Мама, сядь, пожалуйста. Это никакая не язва. Я ложусь в клинику пластической хирургии. Я хочу, наконец, перестать быть уродиной.

— Доченька... Да какая же ты уродина? Да ты... — Анна Александровна сделала шаг навстречу дочери и хотела её обнять, но та отстранилась.

— Мама, сядь и выслушай меня! Хоть раз в жизни.

Анна Александровна покорна села.

— Ты только меня не перебивай. Я буду делать сразу несколько операций. Я долго копила деньги и уже всё оплатила. Я увеличу грудь и изменю лицо. Я не могу больше жить с такой внешностью.

— Да разве можно сразу-то...

— Я консультировалась с врачом. Он сказал, что у меня прекрасный организм, что я всё выдержу, и наркоз не надо будет несколько раз делать. Ну, он же не дурак, в конце концов, и не станет что-то во вред мне делать.

— Леночка, но зачем тебе... — прошептала Анна Александровна. По её щекам катились слёзы.

— Да потому что я не хочу быть похожей на тебя! Не хочу всю жизнь прожить, как ты, — одна! Я любить хочу! — Лена совсем не хотела обидеть мать, но её уже было не остановить. Слова, которые она так долго хранила в себе и проговаривала мысленно, словно прорвали плотину и хлынули наружу.

— Что? Да как ты смеешь такое говорить? — Анна Александровна вскочила со стула. — Думаешь, я в своей жизни не страдала из-за своей внешности? Думаешь, если бы я могла дать тебе красоту, я бы тебе её не дала? Но я не могла этого сделать! Слышишь? Физически не могла. Но я не боялась любить. Не боялась быть собой. И тебя я родила от любимого мужчины! И пусть он потом нас бросил. Пусть! Но он у меня был!

— Да ты готова была бы полюбить любого, кто согласился бы с тобой переспать!

Лену прервал резкий звук пощёчины. Схватившись за обожжённую щеку, девушка сделала несколько шагов назад. Анна Александровна стояла посреди кухни, губы её дрожали.

— Отлично! Можешь меня ещё ударить! Но я всё равно скажу! Может, в ваше время и страшеньким можно было любить, а сейчас нет. Ваши мужики не видели ничего. Красоты не видели. А сейчас красотки кругом: по телевизору, в интернете, на рекламных щитах. Куда мне с ними тягаться? А я любить хочу! Мужика хочу! Мама, что с тобой? Тебе плохо? Сердце? Мама!

“Господи, да что со мной? Почему я не испытываю никакой радости от предстоящих перемен? Я так долго ждала этого дня, и вот он наступил, а радости нет. И ничего нет. Никаких чувств. Просто как будто темнота какая-то внутри. Чернота. Может, это просто страх?”

Лена тихонько зашла на кухню и застала мать стоящей у окна и смотрящей на улицу.

— Доброе утро, мам, — девушка подошла к матери, обняла её сзади и поцеловала в щеку. Анна Александровна, не поворачиваясь, взяла дочь за руку. — Mam, ты прости меня за вчерашнее, я столько лишнего наговорила...

— Посмотри в окно. Какая красота...

Лена замерла, увидев ни с чем несравнимую картину. Деревья за окном ярко сверкали, покрытые прозрачным слоем льда. Казалось, каждая веточка была сделана из хрусталя.

— Что это? — не веря своим глазам, спросила Лена. — И правда, красиво.

— Ночью прошёл ледяной дождь. Теперь вот... На улице очень скользко, наверно. Ты аккуратней иди.

— Не беспокойся, мам. Всё будет хорошо.

Анна Александровна отвернулась от окна и, глядя дочери в глаза, сказала:

— Знаешь, а ты права. Я всю ночь думала. Ты права. Не надо перемен бояться. Если чувствуешь, что это поможет, делай операции. Главное, чтобы ты счастливой была. А у каждого своё счастье.

— Спасибо, мам... — но Лена не знала, что чувствует. Не могла описать словами.

Мама и дочь ещё долго стояли посреди кухни, обнявшись.

5

Выйдя на улицу, Лена почувствовала облегчение. На свежем воздухе смутное, тёмное предчувствие чего-то нехорошего, не дававшее ей покоя с самого утра, потихоньку развеивалось. Лена жмурилась от яркого света, льющегося отовсюду. Всё вокруг было покрыто льдом. Многие деревья, в основном берёзы, низко склонились под его тяжестью. От лёгкого ветра их ветви едва заметно закачались, наполняя пространство мелодичным хрустальным звоном.

Лена подошла к своему любимому клёну. В сверкающем ледяном одеянии он выглядел, как никогда, красивым. Его красота завораживала и даже пугала своей необычностью.

“А я думала, ты уже никогда не будешь красивым. А ты вон какой”, — Лена прикоснулась к стволу клёна ладонью и почувствовала, как от тепла её руки лёд начал таять. Внезапно раздался страшный треск, а за ним грохот.

От испуга Лена не сразу поняла, что случилось. Самая большая ветвь клёна переломилась, и большая её часть лежала теперь посреди дороги. От удара о землю лёд в некоторых местах потрескался и осыпался.

Лена подошла к упавшей ветви и попыталась её поднять, но та оказалась слишком тяжёлой.

Тогда девушка повернулась к дереву и увидела, что его ствол в месте разлома был зелёно-чёрного цвета.

ОСКОЛОК

1

Саша озирался по сторонам и не мог понять, где находится. Комната была совершенно пуста, если не считать камина, пригитившегося у стены.

С улицы послышался странный пугающий шум, нарастающий с каждой секундой. Вскоре стены комнаты, выкрашенные почему-то в чёрный цвет,

задрожали, а с потолка посыпалась штукатурка. Саша выглянул в окно, тут же отпрянул от него и в страхе ринулся к двери. Дом стоял на самом краю пропасти.

Саша ногой выбил дверь и хотел бежать, но внезапно обессилел, опёрся на дверной косяк и замер на пороге. Ему стало тяжело дышать, а во рту молодой человек почувствовал неприятный металлический привкус.

В нескольких метрах от дома стояла Арина, его жена, и улыбалась.

— Не говори ничего! Молчи! Как ты не понимаешь? Пелёнки, коляски — это всё не для меня. Я ещё молодая! Я жить хочу. Лови!

Арина бросила какой-то свёрток. Саша не смог поднять руки, и свёрток больно ударил его в плечо. В эту же секунду утёс обрушился, и дом вместе с Сашей полетел в пропасть.

— Молодой человек, конечная! — Саша проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо.

Голова кружилась. Вокруг всё было, как в тумане. На ватных ногах, пошатываясь, Саша вышел из вагона.

— Какая это станция? — спросил он у проходящей мимо девушки, но та, взглянув на Сашу, ничего не ответила и лишь ускорила шаг.

Саша с трудом добрёл до середины платформы, потёр глаза руками и, прищурившись, попытался прочесть на стене название станции.

“Речной вокзал. Как я здесь очутился? Здесь же мои родители живут. Мы с Аринкой на Южке снимаем. Арина...”

Саша мгновенно вспомнил события нескольких прошедших дней. Всё сразу. Телефонный звонок от подруги Арины и как бы между делом брошенную ею фразу: “А ты разве не знал, что Арина сделала аборт?” Он, конечно, сразу не поверил. Его жена без его ведома не может такое сделать. Но потом не выдержал — спросил. Арина не стала ничего отрицать. Оказалось, это была никакая не командировка. Она лежала в больнице.

Женщина, которую он любил, которой добивался целых два года. Два года мучений, тоски и ревности! Он, не задумываясь, исполнял любую её прихоть, любое желание, даже самое безумное. Потом долго уговаривал Арину выйти за него замуж. Уговорил. Хотел от неё детей...

“Пелёнки, коляски — это всё не для меня...” Саша ударил жену. Ударил сильно, по лицу. Испугавшись, что на этом не остановится, убежал. Пил несколько дней, сначала с друзьями, а потом один. И вот теперь он стоит среди станции “Речной вокзал”.

“Нужно отоспаться, прийти в себя, а потом решить, что делать дальше. Родители примут. Сначала выходят, а потом... Но это неважно”.

Саша поднимался на эскалаторе. На балюстраде мелькали огни фонарей, на плафоны которых было что-то наклеено. Присмотревшись, Саша разглядел листовку с надписью “Аборт — тоже убийство”, на которой на чёрном фоне был изображён младенец с разбившейся на мелкие осколки головой. В приступе бессильной злобы Саша со всей силы ударил кулаком по плафону. Небольшой кусок стекла вонзился в его руку. Взвыв от боли, Саша побежал на улицу. Убегая, он не слышал ни окриков прохожих, ни свистка дежурной по эскалатору, а только звук бьющегося стекла.

2

“Слава Богу, здесь хотя бы есть телевизор!” — подумал Саша, механически нажимая кнопки на пульте и перескакивая с канала на канал. Он всё меньше задумывался над тем, что видит на экране, ему было скучно, а цветной калейдоскоп каналов, всё быстрее сменяющих друг друга, хоть как-то его развлекал.

— С тобой просто невозможно смотреть телевизор! Остановись хоть на чём-нибудь.

“Ну, вот! Так я и думал. Слово в слово”, — усмехнулся про себя Саша. За полгода совместной жизни со Светой он множество раз слышал эту фразу и сейчас специально провоцировал девушку. Ничто так не развеивает скуку,

как удовольствие действовать кому-нибудь на нервы. Особенно, если этот кто-то тебя любит, и ты знаешь, что он никуда не денется.

— Прости, малыш. Я просто задумался.

— О чём?

— Да так... Давай лучше смотреть. Ты же хотела. — И они молча уставились в экран.

На экране мелькали новогодние ели, украшенные бумажными розами, вафлями, конфетами, печеньем и фруктами. За кадром звучал приятный женский голос: “Шары на рождественских ёлках появились из-за неурожая яблок, которые были основным украшением. Стеклодувы небольшого немецкого городка решили заменить традиционные яблоки специально изготовленными шарами. Так в Германии началось создание украшений из тонкого выдуваемого стекла”.

Саша громко зевнул, даже не потрудившись прикрыть рот. Света попыталась сохранить равнодушный вид, но её покрасневшие щёки выдавали раздражение. А из телевизора звучал всё тот же нежный размеренный голос: “Сейчас всё большую популярность приобретают дешёвые и долговечные пластмассовые ёлочные украшения. Но разве могут они сравниться со стеклянными игрушками? Ведь стеклянные игрушки такие таинственные, завораживающие, лёгкие и хрупкие, совсем как счастье...”

Саша резко встал с дивана. Он не любил разговоров о счастье.

— Ты куда? — испуганно спросила Света.

— Пойду дров наколю.

— Саш, у нас полно дров. Остайся. Посиди со мной. Тебе что, со мной плохо?

— Свет, я пойду, ладно?

3

Саша стоял во дворе и тяжело дышал. Белёсый пар из его рта то и дело поднимался в начинающее темнеть небо. С непривычки колоть дрова молодой человек быстро устал и, опершись на колун, стоял и рассматривал небольшую кучку расколотых им чурок. С самого утра у него было ужасное настроение. Причину этого Саша прекрасно знал, и его раздражало, что он расклеился из-за такого пустяка. Подумаешь, бывшая жена прислала СМС и поздравила с Новым годом. Что тут такого? Да как смела эта тварь, убившая его ребёнка, разрушившая их семейную жизнь, вот так просто поздравить его с Новым годом, прислав скачанный из интернета стишок? Как она может нормально жить после всего, что было? И почему он не может? Почему он чувствует, словно в его душе застрял осколок его прошлой, счастливой жизни, которая разбилась так неожиданно, и каждое напоминание о его бывшей жене шевелит этот осколок, заставляя рану кровоточить? Почему до сих пор, когда он видит в метро листовку с надписью “Аборт — тоже убийство”, к его горлу подкатывается какой-то противный ком, и Саше всё больших усилий стоит заталкивать этот ком обратно, куда-то глубоко-глубоко?

— Кисуль, а я тебе кофе принесла.

Саша вздрогнул и увидел на крыльце дома Свету, держащую в руках дымящуюся чашку горячего кофе.

— Спасибо. Свет, простишься, иди в дом. Я скоро. — Саше хотелось сказать Свете что-то грубое, задеть её пообиднее, как будто это она была причиной его боли, но он сдержался, понимая, что это не так. “Светка! Зачем ты со мной связалась?”

Он встретил её ноябрьским вечером, когда на витринах магазинов уже начали появляться разноцветные новогодние гирлянды. В тот вечер Саша заскочил в магазин за книгами для последней части своей кандидатской диссертации. Выбранные учебники раздражали своим однообразием и копированием друг друга. Одну книгу он решил купить, а из двух других сфотографировать несколько разворотов на мобильный телефон. Когда Саше оставалось сфотографировать последнюю страницу, к нему подошел охранник магазина и громко попросил прекратить фотографировать. Саша не

любил скандалов, но тон охранника ему не понравился, и он начал возмущаться. На шум пришёл ещё один охранник, и Сашу попросили покинуть магазин.

Когда раскрасневшийся Саша с позором уходил, он наткнулся на осуждающий взгляд красивой девушки. Её красота была не яркой, кричащей, вызывающей, а естественной, тихой, скромной, и не каждый был способен её оценить. Но Саша оценил. Ему было жаль, что они встретились при таких обстоятельствах. А когда он медленно ехал на своей машине домой по вечернему городу, и отовсюду на него смотрели яркие огоньки, спасающие от раннего и унылого ноябрьского вечера, Саше казалось, что вместо тёплых московских огоньков на него смотрят холодно-голубые Светины глаза. И ему вдруг захотелось, чтобы эти глаза посмотрели на него вновь, но уже по-другому, нежно, с любовью.

Молодые люди и не подозревали, что встретятся вновь, причём довольно скоро, на новогодней вечеринке у общих знакомых. Поначалу Света очень осторожно относилась к Сашиним ухаживаниям, но вскоре неожиданно для себя влюбилась.

Саша не хотел серьёзных отношений, но Света была такой красивой, милой, совершенно не капризной, что он решил: “Пусть будет, как будет, в конце концов, хочется уже какого-то постоянства”. Через полгода они уже жили вместе.

Света была счастлива. Девушку настораживало только одно: она не могла понять, почему Саша не подпускает её близко к себе, не делится своими мыслями, чувствами. Она хотела раствориться в нём, в его жизни, она хотела стать с ним единым целым.

Саша очень этого боялся. Он боялся повторить ошибки прошлого. Он хотел быть сам по себе, быть свободным. Он боялся вновь быть обманутым и больше никому не доверял. За полгода совместной жизни он дважды изменил Свете. Изменил, потому что была такая возможность, потому что хотел доказать себе, что он мужчина. Что сам себе хозяин.

Света не знала об этих изменах, но смутно чувствовала, что что-то не так. Приближалась годовщина их знакомства. Приближался Новый год. Света решила устроить любимому сюрприз. Она хотела встретить Новый год вдвоём с Сашей на даче у родителей. Только он и она. И волшебная ночь любви. Он будет с ней нежен, как никогда. В новом году всё будет по-новому. Всё будет хорошо.

По дороге Света смотрела в окно машины и любовалась припудренными инеем и белеющими на солнце деревьями, величественно стоящими вдоль дороги. Саше не нравились эти деревья, ему казалось, что они покрыты пылью; ему не нравилось, что Света пытается проникнуть в его жизнь и пустить там корни. Она даже умудрилась специально в дорогу записать диск с музыкой, на котором песни чередовались: одна для него, другая для неё, одна для него, другая для неё... У Саши было дурное настроение, когда они подъехали к небольшому деревянному домику, крыша которого была бережно укрыта сверкающим на солнце снегом. Вскоре из печной трубы этого дома показались первые робкие клубы дыма.

4

Саша допил кофе. Холодало, но он всё равно не хотел идти в дом, потому что прекрасно знал, что ждёт его внутри. Хлопоты по приготовлению праздничного ужина, шампанское, речь президента, доносящаяся из телевизора, бой курантов, секс, сопровождаемый скрипом старого дивана, и усталая тишина — обычный скучный Новый год. Саша вздохнул и направился к дому. Тоненькая струйка дыма, тянущаяся из печной трубы, упиралась в холодное звёздное небо.

Саша лежал на спине, подложив руку под голову, и молча смотрел в потолок. Огонь в камине нежно обнимал поленья, потрескивающие от удовольствия. Света лежала рядышком, удобно устроив голову на Сашиной груди, и слушала, как бьётся его сердце. Саша жалел о том, что не курит и не

может спрятаться после секса за сигарету. Тишина в комнате становилась невыносимой.

— О чём ты сейчас думаешь?

— Что?

— О чём ты думаешь?

— Да так... Ни о чём. А ты?

— Не хочешь говорить? Почему?

— Что почему?

— Почему ты никогда мне ничего не рассказываешь?

— Я... Я рассказываю... Да просто задумался о ерунде.

— О какой ерунде? Я хочу знать об этой ерунде!

— Ну, зачем тебе это? Опять ты начинаешь!

— Саш, что я начинаю? Я люблю тебя, понимаешь? Я хочу знать, о чём ты думаешь, что чувствуешь. А из тебя же слова не вытянешь! Ты даже о своих шрамах на руке до сих пор мне не рассказал. Почему ты не подпускаешь меня к себе? Чего ты боишься?

— Послушай, Свет, к чему этот разговор?

— Ладно! Не хочешь — не говори! — Света повернулась к Саше спиной, свернулась в клубочек и затихла.

Саше стало её жалко. Зачем он её мучает? Ведь она так старалась, так готовилась к этому празднику. Она заслуживает гораздо больше равнодушного молчания. Хотя бы сегодня.

— Светка! Ну, не обижайся, моя хорошая! Ты же знаешь, я люблю тебя. Ну, что мне сделать, чтобы ты не обижалась? Хочешь, я расскажу тебе что-нибудь? Что тебе рассказать? Свет! Хочешь, я расскажу тебе, как в детстве любил наряжать ёлку? Хочешь?

— Хочу, — ответила Света, повернувшись к нему и надувая губки, делая вид, что всё ещё обижена.

— Тогда слушай. Когда мне было лет пять-шесть, я был очень маленького роста, и ёлку мы наряжали вдвоём с папой. Ёлка у нас была искусственная, но всё равно красивая, пушистая и высокая. Так вот, я доставал из картонных коробок завернутые в газету игрушки, раскладывал их на диване, внимательно разглядывал, долго выбирал, а потом протягивал папе выбранную игрушку и говорил, куда её нужно повесить. Каждый год я украшал ёлку по-разному. Может, никто этого не замечал, но я всё равно изо всех сил старался нарядить её красивее, чем годом раньше. Для меня тогда не было ничего важнее, чем услышать похвалу в адрес наряженной мной елки.

— А у тебя была какая-нибудь самая-самая любимая игрушка?

— Да у нас все игрушки были красивые. Стекланные. Сверкающие... Вообще-то была. Такой маленький домик, крыша которого была засыпана снегом, а в единственном окошке горел свет. Не знаю, из чего был сделан этот снег, такой шершавый на ощупь, и блестел он, как настоящий снег блестит на солнце.

— А почему именно этот домик? Что в нём было такого особенного? И где он теперь?

— Не знаю... Да ничего в нём особенного не было. Домик как домик.

— Ну, нет! Так не бывает! Опять ты за своё! Опять не хочешь ничего говорить! Саша, расскажи мне про этот домик! Расскажи!

— Ты будешь смеяться... Да глупости всё это.

— Не буду смеяться! Честное-пречестное слово! Расскажи! Сашка...

— Ладно, ладно. Я даже не знаю, как сказать... В общем, я любил этот домик... Я любил это домик за то... В общем... Только не смейся! Наверно, это глупо, по-детски как-то... Я любил этот домик за тепло, которое у него внутри... Понимаешь? За яркий свет из его окошка. Мне тогда казалось, что в этом маленьком домике живёт такой же, как я, маленький мальчик, кто в Новый год он тоже вместе с папой наряжает ёлку, а мама печёт на кухне вкусные пироги. А по вечерам этот мальчик смотрит на меня сквозь окошко и улыбается, и я изредка махал ему рукой. Мне так хотелось с ним познакомиться, очутиться у него в гостях в его маленьком уютном домике и посидеть перед камином, глядя на огонь, а там обязательно должен

был быть камин. А потом папа разбил этот домик. Не специально, конечно, просто уронил на паркетный пол. И этот звук... А внутри у этого домика оказалась пустота. Пустота, понимаешь?! Я смотрел на своё отражение в этих осколках и...

Вдруг Саша вспомнил листовку с надписью “Аборт — тоже убийство”, младенца с расколовшейся на мелкие осколки головой. Он увидел своё отражение и в этих холодных осколках, осколках, которые невозможно склеить. Он уже пожалел, что затеял этот разговор. Нужно было молчать. Молчать, а не нести всю эту сентиментальную чушь.

Вязкий, тягучий ком всё ближе и ближе подбирался к его горлу откуда-то из глубины души. Саше стало трудно дышать. Что подумает о нём Света, если он сейчас расплачется из-за такой ерунды? Саша, как обычно, попытался проглотить, затолкать обратно, вглубь себя душившие его чувства. Но было уже поздно.

Чтобы Света не видела его слез, он отвернул лицо и закрыл глаза, но две маленькие солёные капельки уже робко, словно извиняясь, щекотали его скулы. Саша почувствовал, как Света прильнула к нему всем телом, как её нежные, тёплые ладони растирают слезы по его щекам. Саша повернулся к ней и открыл глаза. Он увидел, как жадно Света всматривается в его слезы, как она любит их, как она пытается впитать их в себя вместе с его словами, вместе с ним.

Саше никогда не было так хорошо ни с одной женщиной, как в ту ночь со Светой. Таким счастливым он, наверное, мог чувствовать себя только внутри маленького стеклянного домика с занесённой снегом крышей, висящего на новогодней елке и льющего из единственного окна щедрый яркий свет.

Комната словно плыла. Саша не слышал скрипа старого дивана, не чувствовал времени, а когда всё закончилось, ему вдруг захотелось ласкать Свету снова и снова, только ласкать тёплыми нежными словами, которых он раньше не находил или не хотел говорить, но в ту же секунду он испугался. Испугался самого себя. Испугался того, что с ним произошло. Испугался непонятной, непривычной лёгкости счастья. Испугался, что тоненькая струйка дыма, тянущаяся из печной трубы их дома в холодное звёздное небо, вдруг оборвётся, и дом сорвётся в пропасть, а Саша вновь услышит звон разбивающегося стекла.